
ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ И ПОДАВЛЕНИЕ ИЖЕВСКОГО АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ВОССТАНИЯ

Е.Г. Ренёв

Кафедра культурологии
Ижевский государственный технический университет
ул. Студенческая, 7, Ижевск, Россия, 426069

В статье рассматривается тема так называемой решающей роли красных латышских стрелков в подавлении Ижевского антибольшевистского восстания 1918 г. и участии их в массовом красном терроре. Сопоставляя данные различных источников, автор доказывает, что эта роль в современной историографии не только сильно преувеличена, но и существенно искажена.

Ключевые слова: Гражданская война, Ижевское антибольшевистское восстание, латышские стрелки, подавление, красный террор.

Нет, пожалуй, ни одного народа бывшей Российской Империи, а потом и СССР, чья роль в российской Гражданской войне была бы окружена таким же огромным количеством мифов, как роль латышей. Причем со временем количество этих мифов не уменьшается. Меняется только их оценочная направленность. Если раньше латышские стрелки были героями революции, то теперь они предстают ее кровавыми демонами.

Весьма показательно эта мифологизация предстает в работах об Ижевско-Воткинском рабочем антибольшевистском восстании 8 августа – 13 ноября 1918 г., где латышским стрелкам приписывается не только решающая роль в его подавлении, но и в организации кровавого террора. Задача предлагаемой работы – разобраться в этой проблеме, главным источником для этого будут документы эпохи и воспоминания непосредственных участников событий – как латышских, так и русскоязычных, ранее или не вводившиеся в научный оборот, или вводившиеся в него весьма выборочно. Особый акцент будет сделан на воспоминания Я. Рейнфелдса, командира латышских стрелков в решающих боях под Ижевском.

Тенденция возложить определенную вину на латышей за ижевские события лета–осени 1918 г. проявляется уже в первых работах, посвященных Ижевско-Воткинскому восстанию. Так, в очерке М. Баландина «Ижевское белогвардейское восстание 1918 г.» одной из причин восстания названо следующее: «Кроме того, в то время милиция была большей частью из латышей и опять в силу своей консервативности, население относилось к этому отрицательно...» (1). Написан этот материал был до октября 1927 г., когда на его основе в ведущей местной газете была опубликована статья «Восстание

фронтовиков (по материалам Истпарта)» (2), повторенная этим же изданием в более расширенном виде в номере от 7 ноября следующего года под названием «Взятие гор. Ижевска (по материалам ижевского истпарта)» (3).

При обеих публикациях упоминание о латышах было снято. Лишь через двадцать лет после этого латышский фактор начнет возвращаться в советские исследования восстания. Существенная попытка была предпринята историками Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка при создании работы «Владимир Азин». Но после жестких замечаний по этому и другим поводам начальника артиллерии азинской дивизии, штурмовавшей Ижевск, А. Гундорина публикация работы была отложена на 11 лет. Критика Гундорина по поводу присланной ему рукописи главным образом заключалось в следующем: «Народ Удмуртии затемнился другими народами, особенно латышами, а это политически неверно... На с. 57, 58 и 59 как будто латыши решают все, остальные народы играют второстепенную роль... Еще раз хотелось напомнить, что по изложению материала как будто все сделали латыши. Это неверно. Они были активные, но главную роль играли отряды из местных областей (губерний)... Еще раз напомню, что надо вывести на высоту Удмуртский народ, надо показать его борьбу... Надо еще раз подчеркнуть, что руководящую роль играл русский народ, он был в авангарде всей борьбы, а не латыши – как у Вас указано» (4).

И, видимо, чтобы окончательно убедить в правильности своей позиции, Гундорин приводит следующий факт: «на странице 116 было не две батареи, а четыре... Латышская батарея/фамилию командира не помню, факт тот, что он был снят за безграмотность и на его место был назначен т. Екмасов, бывший помощник Гребнева. А командир латышской батареи стрелял так: поставит пушки за бугор, посадит на высоту наблюдателя и наблюдатель ему передает: чуть-чуть недолет, чуть-чуть вправо, а командир батареи командует чуть-чуть правее, чуть-чуть дальше или ближе. Прямо смех» (5).

Составители работы эти замечания учли, и работа вышла, правда, только в 1958 г., уже без упоминания о какой-либо особой роли латышских стрелков в боях против восставшего Ижевска (6).

Позднее обе эти тенденции переплелись уже в совершенно другом измерении. Квинтэссенцией чего стала, пожалуй, большая работа Н.А. Нефедова «Красные латышские стрелки», в которой отдельная глава так и называется: «Борьба красных латышских стрелков против ижевских и воткинских рабочих».

Первоначально сочинение это было опубликовано в 1982 г. в мюнхенском журнале «Вече» (серия «История освободительной борьбы») (7). Теперь же оно или его главные постулаты присутствуют на множестве интернет-сайтов и, в том или ином виде, в печатных работах. Причем влияние этого труда настолько велико, что его основные выводы воспроизводятся и под именами других авторов (8). Поэтому, оставив большинство нюансов и

деталей, рассмотрим ту часть этой работы, которая посвящена именно Ижевско-Воткинскому восстанию и роли латышских стрелков в его подавлении (позволив себе некоторые комментарии, так как большинство фактических ошибок этой работы тоже во множестве воспроизводятся другими авторами). Об этом Н.А. Нефедов пишет следующее: «...В то же время на Ижевск наступала 2-я Советская сводная дивизия под командованием старого латышского коммуниста Валдемара Азина. Во входящем в эту дивизию 247-м полку были две латышские роты. Командовал полком Я. Рейнфельд – бывший командир разгромленного ижевцами Уфимского латышского батальона.

...7 ноября комдив В. Азин бросил свою дивизию на штурм Ижевска. В городе ударили в набат. На защиту родного города поднялось все население. Ижевские рабочие бросились в контратаку, но в первом же бою потеряли свыше 800 убитыми. Сражение длилось три дня, но ижевцы не могли отразить обильно снабженные пулеметами и артиллерией красные полки. 9 ноября сам Азин на бронепоезде бросился на прорыв обороны, кося из пулеметов защитников города. 10 ноября, под покровом ночи, рабочие отряды вместе с частью населения оставили город.

Утром комдив В. Азин приступил к кровавой расправе над оставшимся в Ижевске населением. Родственники непокорных рабочих, в том числе старики и женщины, по приказу В. Азина были расстреляны в первый же день. Повторилась кровавая ярославская баня» (9).

При всем пафосе автора здесь что ни фраза, то фантазия. «Старому коммунисту Азину», вступившему в партию в июле 1918 г., было на тот момент 23 (по другим данным – 31) года (10). 247 полка в то время в дивизии Азина не существовало, он появился только после завершения Ижевско-Воткинской операции и был сформирован из 4-го полка Чеверева, куда и входили две латышские роты (11). Кроме того, в советской историографии датой взятия Ижевска всегда считалось 7 ноября 1918 г., сами же участники восстания днем своего отступления считали 8 ноября.

На сегодня оба эти положения о решающей роли латышских стрелков в подавлении Ижевского восстания и их последующем прямом участии в красном терроре остаются общим местом даже в самых последних работах по восстанию. Так, в частности, А.А. Шепталин утверждает, что «на подавление восстания были брошены самые верные и боеспособные силы Красной армии, *половину которых* (здесь и далее курсив мой. – *Е.Р.*) составляли отличавшиеся особой жестокостью «интернационалисты» – части латышских и китайских стрелков, а также наемников из бывших военнопленных венгров, австрийцев, немцев и турок» (12). Ему вторят А.А. Петров: «...Ижевским рабочим не оставалось ничего другого, как только утром 7 ноября по заводскому гудку предпринять массированную беспатронную штыковую атаку... От совершенно неожиданного и сокрушительного разгрома Азина спасла лишь стойкость *латышского полка* Чеверева» (13) и И.И. Кобзев. Последний, ссылаясь на ав-

торитет А.И. Солженицына, когда-то одним из первых поднявшего тему Ижевского восстания, пишет: «на площади... из пулеметов в первую годовщину революции *красными латышами были расстреляны* собранные по всему городу первые 500 ижевских заложников» (14).

Попробуем разобраться в обоснованности этих выводов. Сначала о численности. Под командой Рейнфелдса в боях под Ижевском участвовало около 450 латышских стрелков, объединенных в две роты. Но собственно латышскими их можно считать весьма условно.

Батальон начал формироваться в Уфе в мае 1918 г. из добровольцев. По подсчетам Рейнфелдса, всего к моменту отступления из Уфы в батальоне было «160–170 пехотинцев и 25 кавалеристов». А вот дальше происходит весьма интересное – под Бирском батальон увеличивается более чем в два раза. И совсем не за счет латышей. Как пишет сам Рейнфелдс (здесь и далее восстановление текста рукописи и перевод со старолатышского мой. – Е.Р.): «Большая часть их них были мадьяры – пленные империалистической войны... В нашем батальоне были также немцы, австрийцы, турки и китайцы. Когда уходили из Бирска, в латышском стрелковом батальоне было 436 человек» («Leela daļa no teem bija madjari – imperialistiskā kara gūstekņi... Mūsu bataljonā eestājās arī wace-eši, auztreeši, turki un ķīnezhesi. Kad izbraucām no Bīrzkas latvju strēlneeku bataljonā bij 436 cilweki») (15).

Кроме этих латышских стрелков в документах упоминается латышская коммунистическая рота, во главе которой будущий командир 2-й стрелковой дивизии Азин отправился из Вятки для участия в боях за Казань в августе 1918 г. По воспоминаниям вятского губернского военкома, всего с ним ушло «200 человек, главным образом латышей» (16). Но сколько человек из них осталось в строю к моменту решающих боев за Ижевск, неизвестно.

Однако известно другое – во время последних 15 человек из латышской коммунистической роты были арестованы чекистами (17). Дальнейшая судьба их пока не прослеживается. И еще: формировалась эта латышская часть из местных жителей – выходцев из прибалтийских губерний, переселившихся в Вятскую и Уфимскую губернию на рубеже XIX–XX вв. (отряд Рейнфелдса) или оказавшихся здесь в результате Первой мировой войны (Азин и значительная часть его отряда).

Помимо того, далеко не все были этническими латышами. Так, из последних, оказавшихся на Ижевских заводах в 1915–1916 гг., числились латышами Лазарев Георгий Андриянович, Медведев Тит Емельянович или Аржанин Николай Иванович с семьями, отец и сын Абрамовичи оказались немцами и т.д. (18). Да и многие заместители Рейнфелдса носили тоже не латышские фамилии: так, под Ижевском артиллерией у него командовал Трофимов (Trofimows), 1-м батальоном – Соколов (Zokolows), одним из взводов – Веселов (Veselows) (19).

Другой немаловажный вопрос – какова была доля латышских формирований в общей численности сформированных Ижевск красных частей. По

официальным данным на 25 сентября 1918 г., дивизия Азина насчитывала 10 490 чел. (20). Однако вплоть до взятия Ижевска ее состав постоянно укреплялся за счет переброски живой силы и снаряжения. Так, только численность Мусульманского полка накануне его разгрома ижевцами 6 ноября выросла почти в три раза, а количество стрелков у Рейнфелдса – в два раза, до 800 чел. (21). В результате чего после взятия Ижевска на 7 декабря 1918 г. в составе дивизии, по сообщениям ее командования, «на лицо» было 22 933 чел. (22). И это при том что Мусульманский полк под Ижевском почти полностью разбежался, а часть других соединений, к примеру, роты ВЧК, была после окончания операции переброшена на другие участки фронта.

Теперь собственно о характере участия латышских стрелков в боях за Ижевск. Здесь стоит сразу отметить, что почти во всех воспоминаниях прямых участников боевых действий сохранились уважительные отзывы повстанцев о латышских стрелках как противнике. Подобным же образом рассматривают действия латышей и газеты восстания «Ижевский защитник» и «Народовластие», как будто намеренно избегая упоминания об участии стрелков в подавлении Ярославского восстания и др. аналогичных эпизодах. Порой даже складывается впечатление, что ижевские повстанцы не теряли надежды на прекращение участия латышских стрелков в боевых действиях на стороне Советской власти (23). Нет никаких рассказов об каких-то особенных подвигах латышских стрелков и у тех, кто сражался бок о бок с ними, как упомянутый выше А. Гундорин или командир «красной латышской батареи» в отряде Азина (до создания на его основе 2-й стрелковой дивизии) В. Гребнев (24).

Как рабочую солдатскую рутину описывает решающие бои за Ижевск сам командир латышских стрелков Я. Рейнфелдс: «Вечером пятого ноября [я] получил приказ... с наступлением рассвета... атаковать Ижевский завод с левого фланга».

...Мы, стреляя, двигались вперед, потому что противник должен был находиться где-то на расстоянии 100 шагов от нас. Бросаемся вперед – скоро сквозь туман видим забор и несколько убегающих человеческих фигур.

...Столкновение с противником так же стоило нам нескольких жертв, – в овраге за нами во время атаки была застрелена одна из сестер милосердия и один стрелок, а у нас в цепи было несколько легко раненных.

...Выйдя из леса, мы поднялись на большую ровную поляну холма. Оказалось, что все пригорки перекопаны укреплениями противника – блиндажами, землянками, ходами сообщения и проволочными заграждениями. Но ни одного человека. Хотя почему они оставили без боя такие мощные, по новейшей военной технике устроенные укрепления, нам доставшиеся неразрушенными. Рассуждая об укреплениях, здесь один-единственный батальон мог бы совершенно уверенно сдерживать целую дивизию врага.

...Мы продолжили свой путь без каких-либо препятствий. Противника нигде не было заметно. Только в центре была слышна орудийная канонада.

Начало уже темнеть, когда мы достигли деревни, от которой до Ижевского завода было 8 километров. Здесь так же не было ни одного белогвардейца.

...В этих обстоятельствах мои батальоны остались на месте до рассвета. Повсюду было тихо, даже в центре не было слышно ни малейшего звука боя.

...Когда подъехал к батальонам, уже рассвело... До Ижевска было 2 километра.

...Позиции противника на самом деле были замечательны. Если бы он держался против нашего штурма, [у нас] ничего бы не вышло.

...Вражеский огонь почти затих. Потому я незамедлительно отдал приказ продвигаться вперед. Я въехал верхом на гору, где располагались брошенные вражеские позиции. Противник отступил в беспорядке, оставив винтовки и патроны. Скоро оба батальона поднялись на холм, откуда был виден лежащий внизу на берегу пруда Ижевский завод.

...Мы выпустили в сторону завода две пулеметные ленты, но ответа никакого не было... Через несколько минут мы двинулись к Ижевскому заводу. Когда спустились к первым домам, начинало уже темнеть, подошел также и 3-й полк. Мы получили приказ от Азина – внутрь города не входить, но окружить его и оставаться на месте. В этот же самый вечер кавалерия вошла в город.

Так 7 ноября, вечером, Ижевск был взят.

Ночью город был окружен с трех сторон дугой огня, это стрелки на своих местах жгли костры. Противник отступал от завода в сторону Воткинска» (25).

Как видим, в этом описании нет никаких «массированных беспатронных атак» ижевцев, ни стойкого сопротивления им латышских стрелков, ни мчащегося впереди них с шашкой на коне или на бронепоезде В. Азина, ни прочих столь популярных сегодня страстей в описании решающих боев за Ижевск 6–7 ноября 1918 г. (26). Весь бой описан как обычная солдатская работа, а ведь латышские стрелки находились на острие главного удара.

Что касается участия латышей в красном терроре. Рейнфелдс не отрицает участия своих стрелков в расстрелах военнопленных, сожжении мятежных деревень и т.п. Характерен в его воспоминаниях эпизод с Чеверевым, который провел ночь с 6 на 7 ноября в деревне, где расположились латыши, весь вечер накануне мечтая с ними о будущем. А рано утром, пока еще все спали, разыскал четырех местных кулаков, чтобы их расстрелять (27). Вполне возможно участие в этом кого-то из латышских стрелков, так как происходил описываемый эпизод в их расположении. Но инициатором его был все-таки собственно командир 4-го полка. Так, он же, Чеверев, незадолго до этого отдал приказ латышским стрелкам на сожжение удмуртского села Петухово и соседней с ним деревни, о чем тоже рассказывает Рейнфелдс, отметив, правда, что они были оставлены жителями (28). Впрочем, командир ла-

тышских стрелков честно пишет, что им не раз приходилось расстреливать военнопленных или, как он сам выражается: «aizzutija uz zhtabu Duhonina» – «отправили в штаб Духонина» (29). Но это была общая практика красных войск, и латыши тут ничем от других не отличались. Более того, именно они в этом отношении часто были примером дисциплинированности и зря не усердствовали.

Так, именно их благодарит за свое спасение неизвестный ижевский повстанец, попавший в плен в бою под Ижевском 18 августа 1918 г., в своем рассказе «В плену у красноармейцев»: «Захватив, нас отвели в сторону, версты на полторы и готовились тотчас же расстрелять... но охранявшие нас **латыши не допустили**» (30). Стрелков Рейнфелдса упрекает в своих воспоминаниях красный матрос Зворыгин за то, что они не дали ему и его товарищам расстрелять в Сарапуле 150 заложников, доставленных из Уфы (31).

Что же касается распространенного сегодня представления о латышских стрелках как о карателях, то, по крайней мере, их особая роль в массовом красном терроре против Ижевского восстания документально никак не подтверждается. Они вошли в город только 8 ноября (и потому никого не могли расстрелять из пулеметов на его главной площади 7 ноября) и через несколько дней были переброшены на другой боевой участок (32). Не столь давно рассекреченные документы ЧК 2-й армии также полностью опровергают этот постулат. Все упоминаемые в них имена и фамилии вовсе не латышские (как не венгерские, не китайские и пр.). В документах ЧК среди тех, кто выносил смертные приговоры, в том числе и 14-летним подросткам и женщинам, наиболее часто встречаются следующие: Захаров (председатель ЧК), Домбровский, Мотков, Посягин, Налинский, Лужнин, Пыхтеев, Столяров и др. (33). Нет латышей и среди периодически встречающихся в документах фамилий членов карательного отряда ЧК, действовавшего в Ижевске и его окрестностях, как нет ни одного воспоминания об их участии в казнях и карательных рейдах самих участников или свидетелей самих этих акций (34).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль латышских стрелков в подавлении Ижевского восстания сильно преувеличена.

Это были действительно, в большинстве своем, хорошо обученные и стойкие бойцы, в отличие, к примеру, от союзников белых чехословаков, которые весьма скоро устали воевать. Однако в падении восставшего Ижевска «вина» их весьма относительна в силу, в первую очередь, малочисленности. Собственно Латышский батальон насчитывал около 450 чел., при чем более половины из его состава были не латышами и даже не гражданами России. В еще большей степени это касается участия латышей в массовом красном терроре.

Что касается боев и событий вокруг Ижевска, то ни в руководстве, ни среди работников ЧК латышей, по имеющимся документам, не было, как не обнаруживается их и в составе карательных отрядов, проводивших расправы

и осуществлявших пропаганду и агитацию среди мирного населения. Остается открытым вопрос, как и почему возникла эта черная, или, вернее, кровавая легенда вокруг латышских стрелков и Ижевского восстания. Но это уже несколько другая проблема. В завершение хотелось бы привести слова одного из участников тех событий, которые были опубликованы на страницах специального издания, посвященного первой годовщине Ижевско-Воткинского восстания: «Россию погубили мы сами, не посторонние и вражеские силы, ни германская интервенция и инородцы – интернационалисты вместе с мадьярами и латышами, а мы сами – имя которым “Православная Русь”» (35).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГАУР). – Ф. 1016. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 10.
- (2) Ижевская Правда. – 1927. – 3 октября. – № 253. – С. 2.
- (3) Ижевская Правда. – 1928. – 7 ноября. – № 260. – С. 3.
- (4) УИИЯЛ УрО РАН. – Ф. РФ. – Оп. 2Н. – Д. 36. – Л. 240, 241, 249.
- (5) Там же. – Л. 241.
- (6) Владимир Азин. – Ижевск, 1958.
- (7) *Нефедов Н.А.* Красные латышские стрелки // Вече. – Мюнхен, 1982. – № 4–6 // Мысли о России: Православный сайт / <http://www.russia-talk.com>.
- (8) См., напр.: *Кустов М.* Созвездие стрелков. Почему латышские стрелки стали самым доверенным отрядом советской власти // http://stoletie.ru/territoriya_istorii/sozvezdie_strelkov.htm; ИСКОЛАСТРЕЛ – Исполнительный комитет латышских стрелков (для сайта Всероссийского Монархического Центра подготовил к публикации А. Азаренков (Москва)) // www.monarchruss.org; Латышские стрелки сделали России кровавую коммунистическую прививку // Бизнес & LV. Еженедельный деловой журнал. – Рига, 2005, 8 апреля. – № 68 (2693) и др.
- (9) *Нефедов Н.А.* Красные латышские стрелки... – № 5. – С. 17–21; № 6.
- (10) *Дронова К.Ф.* Послужные списки героев гражданской войны В.М. Азина и Д.П. Жлобы // Исторический архив. – 1958. – № 4. – С. 208–211; *Шумилов Е.Ф.* Загадка «железного» начдива. – Ижевск, 1989. – С. 6, 18.
- (11) См., напр.: *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию. – М., 1975. – С. 215–216.
- (12) *Шепталин А.А.* Сарапул и Ижевско-Воткинское восстание // Ижевско-Воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия. – Ижевск, 2008. – С. 139.
- (13) *Петров А.А.* История рабоче-крестьянской белой армии // *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы и борьба с большевиками. 1918–1920. – М., 2008. – С. 18–19.
- (14) *Кобзев И.И.* Город соглашателей // День. – Ижевск. – 2008. – 19 июня. – № 24. – С. 12.
- (15) Latvijas valsts archīvs (LVA). – F. PA–45. – Apr. 3. – L. 78. – 5–7 lpp.
- (16) УИИЯЛ УрО РАН. – Ф. РФ. – Оп. 2Н. – Д. 36. – Л. 339.
- (17) Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 21.
- (18) ЦДНИ УР. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 130. – Л. 10, 56, 57 об., 61 об., 74, 85.
- (19) LVA. – 100, 105 lpp.
- (20) РГВА. – Ф. 169. – Д. 253. – Л. 613.

- (21) LVA. – 91 lpp.; РГВА. – Ф. 169. – Оп. 1. – Д. 917. – Л. 1, 2, 9 об., 30.
- (22) РГВА. – Ф. 169. – Д. 253. – Л. 170.
- (23) См. об этом подробнее: *Ренёв Е.Г.* Свидетельства прессы и участников Ижевско-Воткинского восстания о красных интернационалистах и современная историография // Вестник Удмуртского университета. – 2009. – Вып. 2. – С. 179–196.
- (24) ЦДНИ УР. – Ф. 352. – Оп. 2. – Д. 32.
- (25) LVA. – 94–107 lpp.
- (26) См. об этом подробнее: *Ренёв Е.Г.* Мифы Ижевского рабочего восстания. Некоторые даты и цифры // Россия и Удмуртия: История и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. – Ижевск, 2008. – С. 640–649; *Ренёв Е.Г.* Поражение Ижевского восстания, или Как обманули Ленина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5. – Ч. 1. – С. 172–176.
- (27) LVA. – 101 lpp.
- (28) Там же. – 44–45 lpp.
- (29) Там же. – С. 21, 48 и др.
- (30) Прикамье. – 1918. 4 сентября. – № 3. – С. 4.
- (31) ЦДНИ УР. – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 109–110.
- (32) LVA. Ф. РА–45. – Арх. 3. – Л. 82. – 1–3 lpp.
- (33) РГВА. – Ф. 169. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 39–41.
- (34) См., напр.: УИИЯЛ УрО РАН. – Ф. РФ. – Оп. 2Н. – Д. 921. – Л. 97–102, 106–113; ЦДНИ УР. – Ф. 285. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 26, 41.
- (35) Ижевско-Воткинская годовщина. – 1919. – 17 (4) августа. – Омск. – С. 1.

LATVIAN SHOOTERS AND IZHEVSK ANTY-BOLSHEVIKS REVOLT SUPPRESSION

E.G. Reniev

Department of Culturology
Izhevsk State Technical University
Studencheskaja Str., 7, Izhevsk, Russia, 426069

The article deals with a theme of so-called decision role of the Latvian shooters in the suppression of the Izhevsk Anti-Bolsheviks revolt of 1918 and their participation in the mass Red terror which has followed. Analyzing different points of view and documents the author proves that its role was very exaggerated and even distorted by the modern historiography.

Key words: Citizen war, Izhevsk Anti-Bolsheviks revolt, Latvian shooters, suppression, Red terror.